

Валерий Брюсов

В эту минуту истории

Валерий Яковлевич Брюсов

В эту минуту истории

«Не случайно зарёй XIX века был романтизм – учение о самостоятельном значении каждой народности. Национальное объединение стало руководящей политической идеей закончившегося столетия. Народы непрерывно добивались политической свободы и обособленности, и согласие с духом века давало силу самым неподготовленным политикам. Освободилась Греция, отделилась Бельгия, осуществилась единая Италия и единая Германия (что казалось немыслимым теоретикам близкого прошлого), восстали из четырёхвекового небытия южно-славянские государства. Мы все до сих пор немного пьяны этой романтической поэзией национального героизма. Всё согласное с ним нам представляется прекрасным и справедливым, всё несогласное – отступлением от нормы. С этой точки зрения мы смотрим на карту западных пределов Европы как на вполне законченную, так как Испания, Португалия, Франция, Италия и Англия замкнулись в границы своего языка и народа. Между тем каждое столетие перемеживало их земли, и думать, что этого уже не случится в будущем, – обычное ослепление современностью. Теперешний строй европейских держав длится всего 90 лет; тогда как политические деления, независимые от племенных, существовали целые тысячелетия (Римская империя, феодализм)...»

Валерий Брюсов

В эту минуту истории

Не случайно зарёй XIX века был романтизм – учение о самостоятельном значении каждой народности. Национальное объединение стало руководящей политической идеей закончившегося столетия. Народы непрерывно добивались политической свободы и обособленности, и согласие с духом века давало силу самым неподготовленным политикам. Освободилась Греция, отделилась Бельгия, осуществилась единая Италия и единая Германия (что казалось немыслимым теоретикам близкого прошлого), восстали из четырёхвекового небытия южно-славянские государства. Мы все до сих пор немного пьяны этой романтической поэзией национального героизма. Всё согласное с ним нам представляется прекрасным и справедливым, всё несогласное – отступлением от нормы. С этой точки зрения мы смотрим на карту западных пределов Европы как на вполне законченную, так как Испания, Португалия, Франция, Италия и Англия замкнулись в границы своего языка и народа. Между тем каждое столетие перемеживало их земли, и думать, что этого уже не случится в будущем, –

обычное ослепление современностью. Теперешний строй европейских держав длится всего 90 лет; тогда как политические деления, независимые от племенных, существовали целые тысячелетия (Римская империя, феодализм).

И вот на рубеже нового столетия история уже переходит к решению иных задач. На место национальных государств XIX века выдвигаются гигантские союзнические колониальные империи – эти воплощающиеся грёзы политического универсализма. Кстати же земля завоевана, наконец, человеком всецело. Неподвластными ему остались только полюсы да кое-какие местности Азии. На картах негде больше уместить стереотипные слова «terra incognita»[1]. Кругозор промышленных отношений первый вместил все пять частей света, а вслед за ним раздвинулся и кругозор политический. При Наполеоне понятия «Европа» и «мир» были почти тождественны, и авторы «всемирных историй» имели право под этим псевдонимом «живописать» историю одной Европы. Теперь это невозможно. Испано-американская война велась на двух

океанах. Бурская, волновавшая всю Европу, в Южной Африке. С-Американские Соединенные Штаты вмешиваются во внутренние европейские дела (недавнее представление в защиту румынских евреев). Европейские державы вдруг почувствовали свою малость и бессилие на раскрывшейся мировой арене. Тройственный и двойственный союз – прообразы наступающих политических соединений. Англия на наших глазах ищет союзника и едва ли не нашла его в лице Германии. Возникает мысль о пан-американской федерации. В Китае вся Европа выступает как одно целое. Маленькие государства, не смеющие рассчитывать на дружбу больших, поговаривают о союзе между собой или спешат опереть свою европейскую голову на мощное туловище каких-нибудь африканских владений.

Эти два течения – ещё не иссякшее националистическое и новое империалистическое – часто скрещиваются и идут наперекор одно другому. Тогда в странах передовых обычно торжествует второе, а в отставших, живущих идеями прошлого, – первое. Резко

столкнулись они в бурской войне. Вся Европа, увлекаемая привычными романтическими мечтами о святости национальной свободы, сочувствовала бурам. Сочувствие это сохранилось и до последних дней, выразившись в шумных овациях, какими везде встречали бурских вождей. Но в этом деле, как и во всяком, не могло не одолеть то, что имеет перед собой более широкое будущее: ограниченный *eo ipso*[2] «домашним кругом» национализм должен был уступить универсальной исторической задаче империализма. Буры были обречены с самого начала. Их погубила не личная корысть Чемберлена или вообще англичан, как хотят думать многие, а неодолимая рука истории, наглядно созидающей из Англии мировую империю. Тщетно русский поэт 60 лет тому назад утешал себя, что Альбион «куёт бессильные крамолы, клонясь над бездной». С тех пор Англия пережила много жестоких ударов, но изо всех неудач выходила только более сильной и грозной. И, конечно, ни буры, ни «сумасшедший мулла» в Сомалиленде, ни даже ирландцы, которые открыто требуют прав на государственную измену,

не остановят пока её торжества.

Иначе обстоит дело на Балканском полуострове, где тоже ведётся борьба за независимость. И турки, и македонцы так искажают и преувеличивают свои сообщения, что трудно угадать, как велики шансы восстания. Впрочем «корректное» невмешательство Европы гарантирует туркам возможность полной победы и безнаказанного «укрощения» мятежников. Между тем на их стороне все нравственные права. Славянам Балканского полуострова далеко ещё до империалистических идей, и это веяние даёт здесь лишь карикатуры Милана и Стамбулова. На первом плане пока освобождение от чужездного «империализма» азиатских завоевателей. Да и после ещё предстоит так или иначе покончить с прославленной «славянской рознью», которая стала полным анахронизмом в век политической и культурной интеграции. Придётся заняться скучным и «моветонным» панславизмом под надвигающейся грозой «берлинской опасности». Что до Турции, то её судьба очевидна. Она изнемогает вовсе не от «внутренних неурядиц», которых в ней едва ли

больше, чем в Испании. В своих азиатских владениях она даже сильна. Но она «увлекается роком». Вскоре после туркофильства Берлинского конгресса ей пришлось отказаться от Восточной Румелии. После победоносной греческой войны 1897 г. – от Крита. Весь XIX век для Турции – история медленного, бесповоротного падения. Рано или поздно она принуждена будет оставить Европу тем или другим европейцам и, будем надеяться, не с берегов Рейна и Шпрее. Что это произойдёт – мы теперь, после разочарований 1878 года, не можем, да, пожалуй, и не хотим себе представить, но ведь и деятели франкфуртского парламента 1848 года не предчувствовали, что объединение Германии совершится всего 22 года спустя – в Версале. Во всяком случае, чем бы ни кончилось современное македонское восстание, оно нанесет ещё удар владычеству турок по сю сторону Босфора.

Жаждой национальной свободы исполнены и славяне Австрии и Германии. Вражда их к немцам и венграм не утихает, да и не может утихнуть. В австрийском парламенте один депутат начал речь по-чешски.

Его встретили визгом велосипедного свистка и грубо оскорбительными криками («эй, вы, вонючие!» или что-то в этом роде). Эрцгерцога Фердинанда, по слухам, принуждают отказаться от престолонаследия за то, что он женат на чешке. В отместку славянские газеты высказали всю свою ненависть к порабощителям во время недавнего юбилея Кошута. А познанские поляки не пожелали праздновать приезд Вильгельма II в их землю; их магазины оставались открытыми, а дома без флагов и не иллюминированы. Напротив, русская делегация была встречена теми же познанскими поляками приветливо. Немного раньше братались на шипкинских торжествах русские, болгары и чехи. Несмотря на отдельные вспышки запоздалой междоусобицы (сербохорватская распря), «спор славян между собою, домашний, старый спор», кажется, действительно уже «взвешен судьбою». Между итальянскими городами долгие века существовала кровная вражда, но это не помешало делу Гарибальди и Виктора-Эммануила. Кроме того, вопрос «панславизма» особенно интересен тем, что здесь выдвигается пробле-

ма сочетания могучей Империи очевидного всемирного значения с национальным строем разнохарактерных «местных» ячеек. И, быть может, именно в славянском деле оба течения – национализм прошедшего века и империализм наступающего – дадут свой естественный синтез.

Но прежде чем наступит пора окончательного решения вековечного вопроса «Востока» и «Запада», европейским державам надо окончить меньшее, но более насущное дело: размежеваться на земном шаре. Эта работа идёт с такой торопливостью, что следить за ней приходится с чувством напряжённейшего любопытства. Республики и монархии спешно запасаются новыми рынками и колониальными «угодиями». Политический центр тяжести переходит в далекие и полудикие страны. Италия подступает к Триполи и бомбардирует Миди. Франция не то что-то выиграла, не то что-то проиграла в Сиаме. Англия с усилием укрепляется в стране Сомали и заключила с обычным дипломатическим умением выгодный договор с Абиссинией, с которой мы ещё так недавно платонически кокет-

ничали. Европа с явным недоумением смотрит на уход России из Маньчжурии и не хочет поверить нашей традиционной «корректности». Китай грозит новым восстанием против «заморских чертей». В то же время три государя – германский, английский и португальский – поделили между собою в конфиденциальных беседах половину Африки, а первые два и всю переднюю Азию. Азиатская Турция окончательно обращается в немецкий Hinterland[3], а Южная Персия втягивается в английскую орбиту. Не отстают от старших и Япония, фактически овладевающая оставленной нами Кореей и подумывающая и о дальнейшем.

Обаяние германского «Лоэнгрина» соблазнило, наконец, в самые последние дни «старую Англию» на рискованную эскападу в Южной Америке. Германский и английский флоты захватили венесуэльские корабли и бомбардировали прибрежные форты. Доктрине Монро угрожает явная опасность. Но Северные Штаты не дремлют и, при их настойчивости, сознании своего достоинства и отсутствии старо-европейского дипломатического

бюрократизма, конечно, сумеют отстоять интересы своего материка. Америка останется «для американцев», так же как вообще Новый свет – для «новых» людей. Но Африка и Азия, видимо, обречены стать живительной санаторией для «переутомлённой» Европы. И по всей вероятности, если в ближайшем будущем державы отважатся на вооруженную борьбу, – это будут не семейные драки на старых, знакомых полях, из которых каждое видало уже по две или по три знаменитых битвы, а ещё беспримерные столкновения где-нибудь на берегах Конго или Жёлтой реки.

Декабрь 1902

Сноски

1

неизведанная земля (*лат.*).

[^^^]

в самом себе (*лат.*).

[^^^]

ТЫЛ (*англ.*).

[^^^]